

Владимир Фёдорович Одоевский

**Opere Del Cavaliere
Giambattista Paranesi**

Владимир Фёдорович Одоевский

Opere Del Cavaliere

Giambattista Paranesi

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=335582

Аннотация

«Перед отъездом мы пошли проститься с одним из наших родственников, человеком пожилым, степенным, всеми уважаемым: у него во всю его жизнь была только одна страсть, про которую покойница – жена рассказывала таким образом: – Вот, примером сказать, Алексей Степаныч, уж чем не человек, и добрый муж, и добрый отец, и хозяин – все бы хорошо, если б не его несчастная слабость...»

Содержание

Владимир Одоевский

Opere Del Cavaliere

Giambattista Paranesi

1

Перед отъездом мы пошли проститься с одним из наших родственников, человеком пожилым, степенным, всеми уважаемым: у него во всю его жизнь была только одна страсть, про которую покойница – жена рассказывала таким образом:

– Вот, примером сказать, Алексей Степаныч, уж чем не человек, и добрый муж, и добрый отец, и хозяин – все бы хорошо, если б не его несчастная слабость...

Тут тетушка останавливалась. Незнакомый часто спрашивал:

– Да что, уж не запоем ли, матушка? – и готовился предложить лекарство; но выходило на деле, что эта слабость – была лишь библиомания. Правда, эта страсть в дяде была очень сильна; но она была, кажется, единственное окошко, чрез которое душа его заглядывала в мир поэтический; во всем прочем старик был – дядя, как дядя, курил, играл в вист по целым дням и с наслаждением предавался северному равнодушию. Но лишь доходило дело до книг, старик перерождался. Узнав о цели нашего путешествия, он улыбнулся

¹ Труды кавалера Джиабаттисты Паранези – итал.

и сказал:

– Молодость! молодость! Романтизм да и только! Что бы обернуться вокруг себя? уверяю вас, не ездя далеко, вы бы нашли довольно материалов.

– Мы не прочь от этого, – отвечал один из нас, – когда нам удастся посмотреть на других, тогда, может быть, мы доберемся и до себя; но начать с чужих, кажется, учтивее и скромнее. Сверх того, те люди, которых мы имеем в виду, принадлежат всем народам вместе, многие из наших или живы, или еще не совсем умерли: чего доброго – еще их родные обидятся... Не подражать же нам тем господам, которые заживо пекутся о прославлении себя и друзей своих, в твердой уверенности, что по их смерти никто о том по позаботится.

– Правда, правда! – отвечал старик, – уж эти родные! От них, во-первых, ничего не добьешься, а во-вторых, для них замечательный человек не иное что, как дядя, двоюродный братец, и прочее тому подобное. Ступайте, молодые люди, померьте землю: это здорово для души и для тела. Я сам в молодости ездил за море отыскивать редкие книги, которые здесь можно купить в половину дешевле. Кстати о библиографии. Не подумайте, чтоб она состояла из одних реестров книг и из переплетов; она доставляет иногда совсем неожиданные наслаждения. Хотите ль, я вам расскажу мою встречу с одним человеком в вашем роде? – Посмотрите, не попадет ли он в первую главу вашего путешествия!

Мы изъявили готовность, которую рекомендуем нашим

читателям, и старик продолжал:

– Вы, может быть, видали карикатуру, которой сцена в Неаполе. На открытом воздухе, под изодранным навесом, книжная лавочка; кучи старых книг, старых гравюр; наверху Мадонна; вдали Везувий; перед лавочкой капуцин и молодой человек в большой соломенной шляпе, у которого маленький лазарони искусно вытягивает из кармана платок. Не знаю, как подсмотрел эту сцену проклятый живописец, но только этот молодой человек – я; я узнаю мой кафтан и мою соломенную шляпу; у меня в этот день украли платок, и даже на лице моем должно было существовать то же глупое выражение. Дело в том, что тогда денег у меня было не много, и их далеко не доставало для удовлетворения моей страсти к старым книгам. К тому же я, как все библиофилы, был скуп до чрезвычайности. Это обстоятельство заставляло меня избегать публичных аукционов, где, как в карточной игре, пылкий библиофил может в пух разориться; но зато я со всеусердием посещал маленькую лавочку, в которой додерживал немного, по которую зато имел удовольствие перерывать всю от начала до конца. Вы, может быть, не испытывали восторгов библиомании: это одна из самых сильных страстей, когда вы дадите ей волю; и я совершенно понимаю того немецкого пастора, которого библиомания довела до смертоубийства. Я еще недавно, – хотя старость умерщвляет все страсти, даже библиоманию, – готов был убить одного моего приятеля, который прехладнокровно, как будто в библио-

теке для чтения, разрезал у меня в эльзевире единственный листок, служивший доказательством, что в этом экземпляре полные поля², а он, вандал, еще стал удивляться моей досаде. До сих пор я не перестаю посещать менял, знаю наизусть все их поверья, предрассудки и уловки, и до сих пор эти минуты считаю если не самыми счастливыми, то по крайней мере приятнейшими в моей жизни. Вы входите: тотчас радушный хозяин снимает шляпу и со всею купеческою щедростию предлагает вам и романы Жанлис, и прошлогодние альманахи, и Скотский Лечебник. Но вам стоит только произнести одно слово, и оно тотчас укротит его докучливый энтузиазм; спросите только: «Где медицинские книги?» – и хозяин наденет шляпу, покажет вам запыленный угол, наполненный книгами в пергаментных переплетах, и спокойно усядется дочитывать академические ведомости прошедшего месяца. Здесь нужно заметить для вас, молодых людей, что еще во многих наших книжных лавочках всякая книга, в пергаментном переплете и с латинским заглавием, имеет право называться медицинской; и потому можете судить сами, какое в них раздолье для библиографа: между «Наукою о бабичьем деле, на пять частей разделенной и рисунками снабденной», Нестора Максимовича Амбодика, и «Bonati Thesaurus

² Известно, что для библиоманов ширина полей играет важную роль. Есть даже особенный инструмент для измерения их, и несколько линий больше или меньше часто увеличивают или уменьшают цену книги на целую половину. (Примеч. В. Ф. Одоевского.)

medico-practicus undique collectus»³ вам по падется маленькая книжонка, изорванная, замаранная, запылепная; смотрите, – это: «*Advis fidel aux veritables Hollandais touchant ce qui s'est passe dans les villages de Bodegrave et Swarcrriprdam*». 1673⁴, – как занимательно! Но это никак эльзевир! эльзевир! Имя, приводящее в сладкий трепет всю нервную систему библиофила... Вы сваливаете не сколько пожелтевших «*Hortus sanitatis*», «*Jardin de devo tion*», «*Les Fleurs de bien dire, recueillies aux cabinets des plus rares esprits pour exprimer les passions amoureuses de l'un et de l'autre sexe par forme de dictionnaire*»⁵, – и вам попадается латинская книжка без переплета и без начала; разворачиваете: как будто похоже на *Виргилия*, – но что слово, то ошибка!.. Неужели в самом деле? не мечта ли обманывает вас? неужели это знаменитое издание 1514 года:

«*Virgilius, ex recensione Naugerii*»⁶ И вы не достойны назваться библиофилом, если у вас сердце не выпрыгнет от радости, когда, дошедши до конца, вы увидите четыре полные страницы опечаток, верный признак, что это именно то самое редкое, драгоценное издание *Альдов*, перло книгохра-

³ «Полный медико-практический словарь Бонатуса» – лат.

⁴ «Достоверный отчет о природных голландцах, касающийся происшедшего в деревнях Бодеграве и Сваммердам» – франц.

⁵ «Сад здравия», «Сад благочестия», «Цветы красноречия, выбранные в форме словаря из библиотек лучших авторов для выражения любовных страстей лиц обоого пола» – франц.

⁶ *Вергилий*, изданный *Наугерием* – лат.

нилиц, которого большую часть экземпляров истребил сам издатель, в досаде на печатки.

В Неаполе я мало находил случаев для удовлетворения своей страсти, и потому можете себе представить, с каким изумлением, проходя по Piazza Nova⁷, увидел груды пергаменов; эту-то минуту библиоманического оцепенения и поймал мой незванный портретист... Как бы то ни было, я со всею хитростью библиофила равнодушно приблизился к лавочке и, перебирая со скрытым нетерпением старые молитвенники, сначала не заметил, что в другом углу к большому фолианту подошла фигура в старинном французском кафтане, в напудренном парике, под которым болтался пучок, тщательно свитый. Не знаю, что заставило нас обоих обернуться, – в этой фигуре я узнал чудака, который всегда в одинаковом костюме с важностью прохаживался по Неаполю и при каждой встрече, особенно с дамами, с улыбкою приподнимал свою изношенную шляпу корабликом. Давно уже видал я этого оригинала и весьма был рад случаю свести с ним знакомство. Я посмотрел на развернутую перед ним книгу: это было собрание каких-то плохо перепечатанных архитектурных гравюр. Оригинал рассматривал их с большим вниманием, мерил пальцами намалеванные колонны, приставлял ко лбу перст и погружался в глубокое размышление.

«Он, видно, архитектор, – подумал я, – чтоб полюбиться ему, притворюсь любителем архитектуры». При этих словах

⁷ Новая площадь – итал.

глаза мои обратились на собрание огромных фолиантов, на которых выставлено было: «Opere del Cavaliere Giambattista Piranesi». «Прекрасно!» – подумал я, взял один том, развернул его, – но бывшие в нем проекты колоссальных зданий, из которых для построения каждого надобно бы миллионы людей, миллионы червонцев и столетия, – эти иссеченные скалы, взнесенные на вершины гор, эти реки, обращенные в фонтаны, – все это так привлекло меня, что я на минуту забыл о моем чуде. Более всего поразил меня один том, почти с начала до конца наполненный изображениями темниц разного рода; бесконечные своды, бездонные пещеры, замки, цепи, поросшие травой стены – и, для украшения, всевозможные казни и пытки, которые когда-либо изобретало преступное воображение человека... Холод пробежал по моим жилам, и я невольно закрыл книгу. Между тем, заметив, что оригинал нимало не удостаивает внимания зодческий энтузиазм мой, я решился обратиться к нему с вопросом:

– Вы, конечно, охотник до архитектуры? – сказал я.

– До архитектуры? – повторил он, как бы ужаснувшись. – Да, – промолвил он, взглянув с улыбкой презрения на мой изношенный кафтан, – я большой до нее охотник! – и замолчал.

«Только-то? – подумал я, – этого мало».

– В таком случае, – сказал я, снова раскрывая один из томов Пиранези, – посмотрите лучше на эти прекрасные фантазии, а не на лубочные картинки, которые лежат перед вами.

Он подошел ко мне нехотя, с видом человека, досадующего, что ему мешают заниматься делом, но едва взглянул на раскрытую передо мной книгу, как с ужасом отскочил от меня, замахал руками и закричал:

– Бога ради, закройте, закройте эту негодную, эту ужасную книгу!

Это мне показалось довольно любопытно.

– Я не могу надивиться вашему отвращению от такого превосходного произведения; мне оно так нравится, что я сей же час куплю его, – и с этими словами я вынул кошелек с деньгами.

– Деньги! – проговорил мой чудак этим звучным шепотом, о котором мне недавно напомнил несравненный Каратыгин в «Жизни Игрока». – У вас есть деньги! – повторил он и затрясся всем телом.

Признаюсь, это восклицание архитектора несколько расхолодило мое желание войти с ним в тесную дружбу; но любопытство превозмогло.

– Разве вы нуждаетесь в деньгах? – спросил я.

– Я? Очень нуждаюсь! – проговорил архитектор, – и очень, очень давно нуждаюсь, – прибавил он, ударяя на каждое слово.

– А много ли вам надобно? – спросил я с чувством. – Может, я и могу помочь вам.

– На первый случай мне нужно безделицу – сущую безделицу, десять миллионов червонцев.

– На что же так много? – спросил я с удивлением.

– Чтобы соединить сводом Этну с Везувием, для триумфальных ворот, которыми начинается парк проектированного мною замка, – отвечал он, как будто ни в чем не бывало.

Я едва мог удержаться от смеха.

– Отчего же, – возразил я, – вы, человек с такими колоссальными идеями, – вы приняли с отвращением произведения зодчего, который, по своим идеям, хоть несколько приближается к вам?

– Приближается? – воскликнул незнакомец. – Приближается! Да что вы ко мне пристаёте с этой проклятою книгою, когда я сам сочинитель ее?

– Нет, это уж слишком! – отвечал я. С этими словами взял я лежавший возле «Исторический словарь» и показал ему страницу, на которой было написано: «Жанбатиста Паранезе, знаменитый архитектор... умер в 1778...»

– Это вздор! это ложь! – закричал мой архитектор. – Ах, я был бы счастлив, если б это была правда! Но я живу, к несчастью моему живу, – и эта проклятая книга мешает мне умереть.

Любопытство мое час от часу возрастало.

– Объясните мне эту странность, – сказал я ему, – поверьте мне свое горе: повторяю, что я, может быть, и могу помочь вам.

Лицо старика прояснилось; он взял меня за руку.

– Здесь не место говорить об этом; нас могут подслу-

шать люди, которые в состоянии повредить мне. О! я знаю людей... Пойдемте со мною; я дорогой расскажу вам мою страшную историю.

Мы вышли.

– Так, сударь, – продолжал старик, – вы видите во мне знаменитого и злополучного Паранези. Я родился человеком с талантом... что я говорю? теперь запирается уже поздно, – я родился с гением необыкновенным. Страсть к зодчеству развилась во мне с младенчества, и великий Микель-Анджело, поставивший Пантеон на так называемую огромную церковь Св. Петра в Риме, в старости был моим учителем. Он восхищался моими планами и проектами зданий, и когда мне исполнилось двадцать лет, великий мастер отпустил меня от себя, сказав: «Если ты останешься долее у меня, то будешь только моим подражателем; ступай, прокладывая себе новый путь, и ты увековечишь свое имя без моих стараний». Я повиновался, и с этой минуты начались мои несчастья. Деньги становились редки. Я нигде не мог найти работы; тщетно представлял я мои проекты и римскому императору, и королю французскому, и папам, и кардиналам: все меня выслушивали, все восхищались, все одобряли меня, ибо страсть к искусству, возженная покровителем Микель-Анджело, еще тлелась в Европе. Меня берегли как человека, владеющего силою приковывать преславные имена к славным памятникам; но когда доходило дело до постройки, тогда начинали откладывать год за годом: «Вот поправятся финансы, вот ко-

рабли принесут заморское золото», – тщетно! Я употреблял все происки, все ласкательства, недостойные гения, – тщетно! я сам пугался, видя, до какого унижения доходила высокая душа моя, – тщетно! тщетно! Время проходило, начатые здания оканчивались, соперники мои снискивали бессмертие, а я – скитался от двора к двору, от передней к передней, с моим портфелем, который напрасно час от часу более и более наполнялся прекрасными и неисполнимыми проектами. Рассказать ли вам, что я чувствовал, входя в богатые чертоги с новою надеждою в сердце и выходя с новым отчаянием? – Книга моих темниц содержит в себе изображение сотой доли того, что происходило в душе моей. В этих вертепах страдал мой гений; эти цепи глодал я, забытый неблагодарным человечеством... Адское наслаждение было мне изобретать терзания, зарождавшиеся в озлобленном сердце, обращать страдания духа в страдание тела, – но это было мое единственное наслаждение, единственный отдых.

Чувствуя приближение старости и помышляя о том, что если бы кто и захотел поручить мне какую-либо постройку, то недостало бы жизни моей на ее окончание, я решился на печатать свои проекты, на стыд моим современникам и чтобы показать потомству, какого человека они не умели ценить. С усердием принялся я за эту работу, гравировал день и ночь, и проекты мои расходились по свету, возбуждая то смех, то удивление. Но со мной случилось совсем другое. Слушайте и удивляйтесь... Я узнал теперь горьким опытом, что

в каждом произведении, выходящем из головы художника, зарождается дух-мучитель; каждое здание, каждая картина, каждая черта, невзначай проведенная по холсту или бумаге, служит жилищем такому духу. Эти духи свойства злого: они любят жить, любят множиться и терзать своего творца за тесное жилище. Едва почуяли они, что жилище их должно ограничиться одними гравированными картинками, как вознегодовали на меня... Я уже был па смертной постели, как вдруг... Слыхали ль вы о человеке, которого называют вечным жидом? Все, что рассказывают о нем, – ложь: этот злополучный перед вами... Едва я стал смыкать глаза вечным сном, как меня окружили призраки в образе дворцов, палат, домов, замков, сводов, колони. Все они вместе давили меня своею громадою и с ужасным хохотом просили у меня жизни. С той минуты я не знаю покоя; духи, мною порожденные, преследуют меня: там огромный свод обхватывает меня в свои объятия, здесь башни гонятся за мною, шагая верстами; здесь окно дребезжит передо мною своими огромными рамами. Иногда заключают они меня в мои собственные темницы, опускают в бездонные колодцы, куют меня в собственные мои цепи, дождят на меня холодною плесенью с полуразрушенных сводов, – заставляют меня переносить все пытки, мною изобретенные, с костра сбрасывают на дыбу, с дыбы на вертел, каждый нерв подвергают нежданному страданию, – и между тем, жестокие, прядают, хохочут вокруг меня, не дают умереть мне, допытываются, зачем осудил я их на

жизнь неполную и на вечное терзание, – и наконец, изможденного, ослабевшего, снова выталкивают на землю. Тщетно я перехожу из страны в страну, тщетно высматриваю, не подломилось ли где великолепное здание, на смех мне построенное моими соперниками. Часто, в Риме, ночью, я приближаюсь к стенам, построенным этим счастливец Микелем, и слабою рукою ударяю в этот проклятый купол, который и не думает шевелиться, – или в Пизе вешаюсь обеими руками на эту негодную башню, которая, в продолжение семи веков, нагибается на землю и не хочет до нее дотянуться. Я уже пробежал всю Европу, Азию, Африку, переплыл море: везде я ищу разрушенных зданий, которые мог бы воссоздать моею творческою силой; рукоплескаю бурям, землетрясениям. Рожденный с обнаженным сердцем поэта, я почувствовал все, чем страдают несчастные, лишенные обиталища, пораженные ужасами природы; я плачу с несчастными, но не могу не трепетать от радости при виде разрушения... И все тщетно! час создания не наступил еще для меня – или уже прошел: многое разрушается вокруг меня, но многое еще живет и мешает жить моим мыслям. Знаю, до тех пор не сомкнутся мои ослабевшие вежды, пока не найдется мой спаситель и все колоссальные мои замыслы будут не на одной бумаге. Но где он? где найти его? Если и найду, то уже проекты мои устарели, многое в них опережено веком, – а нет сил обновить их! Иногда я обманываю моих мучителей, уверяя, что занимаюсь приведением в исполнение како-

го-либо из проектов моих; и тогда они на минуту оставляют меня в покое. В таком положении был я, когда встретился с вами; во пришло же вам в голову открыть передо мною мою проклятую книгу: вы не видали, но я... я видел ясно, как одна из пилястр храма, построенного в середине Средиземного моря, закивала на меня своей косматой головою... Теперь вы знаете мое несчастье: помогите же мне, по обещанию вашему. Только десять миллионов червонцев, умоляю вас! – И сими словами несчастный упал предо мною на колени.

С удивлением и жалостию смотрел я на бедняка, вынул червонец и сказал:

– Вот все, что могу я дать вам теперь. Старик уныло посмотрел на меня.

– Я это предвидел, – отвечал он, – но хорошо и это: я приложу эти деньги к той сумме, которую собираю для покупки Монблана, чтоб скрыть его до основания; иначе он будет отнимать вид у моего увеселительного замка.

С сими словами старик поспешно удалился...